

ISSN 0132-0637

Октябрь

4

1979

Октябрь

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

ИЗДАЕТСЯ С МАЯ 1924 ГОДА

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

АПРЕЛЬ

4

1 9 7 9

ЕДИНОДУШНАЯ, ТВЕРДАЯ ПОДДЕРЖКА НАРОДОМ ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА НАШЕЙ ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ — НАДЕЖНЫЙ ФУНДАМЕНТ ДЛЯ ДВИЖЕНИЯ ВПЕРЕД, ЗАЛОГ ТОГО, ЧТО НАМЕЧЕННЫЕ ПЛАНЫ БУДУТ ПРЕТВОРЕНЫ В ЖИЗНЬ. ОНИ БУДУТ ПРЕТВОРЕНЫ В ЖИЗНЬ ВОЛЕЙ ПАРТИИ, ТРУДОМ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ — И ВО ИМЯ ИХ БЛАГОПОЛУЧИЯ И СЧАСТЬЯ.

Из речи товарища Л. И. БРЕЖНЕВА на встрече с избирателями Бауманского избирательного округа

195745

Сергей НАРОВЧАТОВ

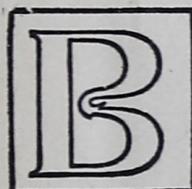
Фронтовая радуга

ПОЭМА

Свой добрый век мы прожили, как люди,
И для людей.

Георгий Суворов

1

недостижимом дымном зазеркалье
Под времени знобящий перегуд
Мгновенья, что когда-то отсверкали,
В десятом измерении текут.

Освещены далекими огнями,
Придя из нестареющей нови,
Там в гимнастерках с крепкими ремнями
Стоят друзья-товарищи твои.

Смеются одногодки и погодки,
Года рожденья после Октября,
Заломлены фуражки и пилотки,
В петлицах по два, по три кубаря.

А у кого на праздничные плечи
Легло по паре звездчатых погон,—
Смеются легендарные предтечи
Теперешних незнаемых времен,

Стоят они в одном кругу прощальном,
Содружеству солдатскому верны,
С начальным днем и с месяцем начальным
Смешался в них последний год войны.

А в кобурах привычные наганы,—
На приступ с ними к Н-ской высоте! —

Не вышли лейтенанты в капитаны,
Но вышли к той невидимой черте,

Где все равны в своей посмертной славе,
Где им черед бессмертия настал,
В литую бронзу воплотиться вправе,
Для них Россия — общий пьедестал.

Над ними молодое светит небо,
Привстань — до облаков подать рукой,
И белая клубящаяся нега
Тебя обнимет медленной рекой.

Но им сейчас не до прекрасных далей,
Того гляди, как с яростных небес
Последним знаком всех земных печалей
Скрохочет «юнкерс» на окрестный лес.

С треклятой «рамы» частое движенье
Внизу установив, наверняка
Фашисты засекли расположенье,
Параметры стрелкового полка.

Тут наскоро одернув гимнастерку,
В порыве быстром неопередим,
Прочь зашагал с полынного пригорка
Лихой разведчик Колька Бородин.

Расхохотавшись, поглядел на небо,
Ведь он недодышал и недожил,
Недолюбил — и сотни разных «недо»
Звенят в крови его веселых жил.

За сорок лет до наших разговоров,
Сковав одно из песенных колец,
Сказал об этом Николай Майоров,
Вблизи увидев смертный свой конец.

С пригорка
под сапогами
легка,
Вдоль
знакомого лога
Ведет
напрямую
к тылам полка
Проселочная
дорога.

В ближнем селе пресловутый тыл,
И не нужно особой сметки
Догадаться, зачем туда зачастил
Командир полковой разведки.

Остановился накрепко взгляд,
Где, на счастье
или несчастье,
В просторной избе месяц назад
Гражданские
встали
власти.

Тогда, плотную дверь отворя,
Глотая слова привета,
Лейтенант увидел секретаря
Местного сельсовета.

Не был парень еще на веку
Таким охвачен смятеньем,
Показалась девушка фронтовику
Мирной жизни виденьем.

Но все, что раньше случалось с ним,
В годы мальчишьего пыла,
Дымом

вдруг
поднялось
цветным,

Поблекло
и отступило.

Смолкли пластинкой недавних времен,
Шумны, раскатисты, гулки,
Ночным освещенные фонарем
Довоенные переулки.

Раскрылась ему сельсоветская дверь,
Будто вышняя милость,
И все здесь сошлось

навсегда теперь,

Все
сюда
устремилось.

И все тотчас же приобрело
Добавочное значенье,
Невидимое

подписало
перо

Невидимые
реченья.

Он был опален жгучей звездой,
Упавшей невесть откуда,
Впрямь гимнастерки его простой
Дуновенье коснулось чуда.

Половицы вовсю заходили под ним,
Часы зазвонили стенные,
Еще немного,

небесный нимб

Черты б
окружил земные.

Нимба вокруг девичьего лица
Не было и не встало,
Но радость без края и без конца
В просторных глазах сияла.

Наш лейтенант увиделся ей
Совсем по другим замерам,
В молодцеватой форме своей
Ослепительным офицером.

И пусть ослепительны были в нем
Только его годы,
Мы с первого взгляда любовь узнаем
В погоды и непогоды.

Почти без слов,
без речей почти
Первое узнаванье,
Но, раз уж двоих
скрестились пути,
Можно сказать заранее:

Еще закружится голова,
Сдвинутся близкие плечи,
И тогда придут другие слова
В другие свиданья и встречи.

Вместе с юношеской похвальбой
Правда полнила фразу,
Каждое слово и жест любой
Ловила девушка сразу.

Такие рассказы вечерней порой
Гнали вперед события.
Необходим
не храбрец,
а герой
В неромантичном
быте.

А был лейтенант
романтичен, хоть плачь,
В нем геройская
чуялась складка,

Шуршала,
как мушкетерский плащ,
Зеленая
плащ-палатка.

Счастье и горе ему пополам
Свою отделили долю,
Кидало его по госпиталям,
Как говорится, вволю.

Ему хватило бы орденов
Для будущего парада,

Но отставала в чащах тылов
Очередная награда.

Путь его по Большой войне
Был путем поколенья.
Он принял обдуманное вдвойне,
Но, по сути, простое решенье:

3

— Трудное дело начато,
Так его и держись.
Жизнь
 не пишется
 начерно,
Набело
 пишут
 жизнь.

Судьба нам определилась,
И вышло по этой смете —
Возможная
 необходимость
Собственной
 смерти.

Идет в атаку пехота,
Танки идут на таран,
Кому умирать охота,—
Лучше десяток ран,

Лучше любыеувечья,
Чем личное и твое
Провальное,
 нечеловечье
Полное
 небытие.

Как лампу, выключат разум,
Захлопнут резко тетрадь,
Жизнь
 по второму разу
Не
 переиграть.

Слыхали, как раненый тяжко,—
До смерти подать рукой,—
Вдрывг раздирая рубашку,
Ругается с медсестрой?

— Рано записывать в мертвые,
Еще увижу жену.
Не надо,— твердит,— морфия,
Мучаюсь, значит, живу.

И все же, все же, все же
 Не ты дороже всего.
 Есть то, что еще дороже,
 Дороже тебя самого.

4

Что Колька изведал в жизни иной
 Перед тем, как попасть в разведку?
 Ну, прежде всего перед самой войной
 Он кончил десятилетку.

Недавнюю память лишь раззадорь —
 И все пролистает детство,
 Оно на улице Красных Зорь
 Дарило ему в наследство

Добро без начала и без конца
 Под кровлею дома отчего,
 Матери ласку и взгляд отца,
 Питерского рабочего.

Но тучи заволокли горизонт,
 И в страдные дни отступленья
 Отец,
 добровольцем уйдя на фронт,
 Погиб
 партбойцом
 ополченья.

Упал он в траву, к врагу лицом,
 Вы так же прожить сумейте!..
 Хочу,
 чтобы меня
 партийным бойцом
 Считали
 до самой смерти.

И пусть ненадолго, но после нее,
 Забвенье пока не приспело,
 Стихами
 продлится
 мое бытие,
 Мое
 партийное
 дело.

Был Николай похож на отца,
 В основе своей неразменен,
 Не зря на него
 смотрел без конца
 С настенного снимка
 Ленин.

С Лениным мы через жизнь прошли,
 Сквозь радости и печали
 Во все края неоглядной Земли
 Мы вместе с ним прошагали.

Мальчишеских лет осветив кутерьму,
Он нашу взрастил мальчишество,
Я первые строки отдал ему,
Едва читать научившись.

В мальчишке порыв горит-говорит,
Но пусто пока в тетрадке,
Зубенки мои, нагнетая ритм,
Отстукивают в лихорадке.

Спешило выплеснуться поскорей
Впечатленье с минутой ряной.
Впервые увидел я Мавзолей,
Тогда еще деревянный.

Мимо него на глазах моих
Реки текли людские,
Они
 мой детский
 заполнили стих
Горем
 взрослой России.

За ладные строки чего не отдашь,
Косолапой спешат гурьбою...
Мама взяла у меня карандаш:
— Давай запишу за тобою.

И вот уже я
 над тетрадкой лечу
И, оставляя квартиру,
Хочу
 свою любовь
 к Ильичу
Всему
 переведать
 миру.

Давно позабылся мой ранний стих,
Но в детское то мгновенье
Я малышом пятилетним постиг
Первое вдохновенье.

С давнего часа, с далекого дня,
Где бы судьба ни носила,
К лучшим делам
 направляла меня
Та —
 ильичевская сила.

Когда обозначился мой черед
В глаза поглядеть Отчизне,
Я слово
 на ближние годы вперед

Давал

в три возраста жизни.

В тот год мартеновской печью зажглась
Первая пятилетка,
Жизнь меня оценила на глаз,
Началась харктера лепка.

Мы юную представляли страну,
Ее новизны заметы,
Когда в пионерском клялись ряду
Выполнить Ильича заветы.

Второй пятилетки горели огни,
И вспышками их освещало
Шагавшие вдаль комсомольские дни,
Крутой дороги начало.

Едва сравнялось пятнадцать лет,
В пятерках и драках школа,—
Мне с ленинским профилем
Новый билет
Вручил райком комсомола.

Просьбу мою нашел секретарь
В куче других заявлений:
— Во все лопатки к знаниям шпарь,
Учись, как советовал Ленин.

Хороший день
Другой нагонял,
Таким же хорошим обрадованный,
Я строил Большой Ферганский канал
Сиявший цветными радугами.

Цветными радугами труда,
Песней дехканской воспетого,
На ноте высокой звенела струна
Всенародного праздника этого.

Родных, друзей и знакомых окрест
Оповестив заранее,
Сюда сошлись из тысячи мест
Всей Ферганы дежкане.

И мы, москвичи, пришли туда,
Русской ведомые речью,
Навстречу рабочая встала страда,
Товарищи встали навстречу,

Чтоб сообща в этот край провести —
Да не будет ей переводу!
А хлопку расти и садам цветсти! —
Желанную светлую воду.

В сухую землю вгрызался кетмень,
Еще солнце желтело низко,

И каждый с песнями вставший день
Зеленел ростком коммунизма.

О ферганской я вспоминал мечте
В звоне недельной бессонницы,
Когда в осколков и пуль решете
Морозное встретил солнце.

Была у молодости начата
Только лишь первая строчка,
А с жизнью короткой кончил счета
Мой друг Михаил Молочко.

А с ним в невозвратное далеко,
К лугам безмолвного края
Ушел навсегда Георгий Стружко,
По финским снегам шагая.

За белой снежною пеленой
Глухие захлопнулись двери.
Означены были первой войной
Первые наши потери.

В жарынь Ферганы и финский мороз,
Как поколенья заклятья,
Встают во весь несгибаемый рост
Большие слова и понятья.

На Юге и Севере
Мир и Война
Свое нам лицо показали,
Мы Счастье и Горе
узнали сполна
И Жизнь со Смертью
узнали.

Своим рассветным я кланяюсь дням,
Жестоким своим рассветам,
Ребячиться некогда было нам,
Бойцам с комсомольским билетом.

Под вражеским хутором Хилики-два
Впервые я подал в партию,
Но выбил финский февраль едва
Не всю нашу ротную братию.

Не вышел из этого дела толк,
Но причины были простительны:
Погиб
на озерном льду
парторг,
Погибли
мои поручители.

По срывистым тропам обрывистых лет
С отрога и до отрога
Вот так меня вел
комсомольский билет,

До партийного
вел
порога.

Прицельный на Невский ложился снаряд,
И в орудийном дыме
Ледяной и голодный вставал Ленинград
Октября непокорной твердыней.

Мое поколенье мужало в борьбе,
И не было выше награды
Назвать себя членом ВКП(б)
После прорыва блокады.

По всем континентам круглой Земли,
Куда бы ни шел по свету я,
В десятилетия годы текли,
Партийному слову следя.

И я до конца бороться готов
За бесконечное дело,
Где стажа
 тридцать с гаком годов,
Как тридцать дней,
 пролетело.

6

Писали мы юности общий дневник,
Коли, Павки, Сережи,
Все мы в точках своих отправных
Товарищ с товарищем скожи.

То, что я здесь рассказал о себе,
Памятью стих накаляя,
Пускай теперь в сельсоветской избе
Станет судьбой Николая.

Случались у нас, естественно, с ним
Значительные разночтенья,
Сначала начисто разъединим
Сердечные наши влеченья.

Держа при себе порывы свои,
Ожидая другого начала,
Не знал Николай довоенной любви,
Что меня на пути встречала.

Короб нёсет счастья
Каждый встреченный день,
Ты с этим днем в соучастье,
Только кепку надень,

Только скатись по лестнице
В утреннюю Москву
К милой своей прелестнице,
Ждущей тебя на мосту.

В библиотеку вместе,
Но что вам теперь до книг,
Лучшие для вас вести
Не вычтены из них.

В осеннем лесу прочтете
Рдеющую листву,
На самом трудном зачете
Не срежетесь в том лесу.

Себя через годы спросим
О юности лучшем дне,
И первокурсная осень
В кленовом вспыхнет огне.

Помню, в залегшей роте,
Пока на плечах голова,
При вражеском артиллете
По звукам сближал слова.

Со смертью в тесном оброчье
Поэзию я постиг,
Звуки лились возвучья,
Зозвучья сливалась в стих.

Над нами стояло столетье,
За шиворот теребя,
И запахи, звуки, соцветья
Мы брали вокруг себя.

Передавали стихами,
Слово ставя ребром,
Быстрых «катюш» полыханье,
Артиллерийский гром.

Мешался запах сирени
С запахом мертвых тел.
Соловья оборвались трели,
Снялся и улетел.

А мы, пичуге в замену,
Армейские соловьи,
В стихах поднимали цену
Радости и любви.

Самой революции младше,
Юностью
голубой
Походной ротой на марше
Навязанный
приняли бой.

В такой обстановке позицию
Некогда выбирать,
Любой пригород сгодится
Укрыть неумелую рать.

Наспех открыта ячейка,
Силы —
один к трем,
Щелкает трехлинейка,
До отказа
дослан патрон.

Недружно грохнули залпы,
Теперь обойму смени,
Горестны
и внезапны
Войны
первые дни.

Незыблемой встанут правдой
Слова
забытых речей,
И назовется Непрядвой
Рябой
от осколков
ручей.

Мертвенно светит ракета,
И под ее огнем
Здание
сельсовета
Московским
встанет
Кремлем.

И с самого беглого взгляда
Будет видно окрест —
Крышами
Ленинграда
Ближний
поднимется
лес.

Малое станет великим,
Час возвысится в век,
Героем тысячеликим
Засветится человек.

Вспомнить пора об оставленном дне,
Застрял на опасной грани я.
Стал говорить о Бородине,
А пошла моя биография.

Путь поколения каменист,
Но его возрастные звания —

Пионер,
комсомолец
и коммунист —
Девизом
блещут на знамени.

Эти ступени прошел Николай,
Идя по годам, как все мы.
Каким характером ни наделяй
Героя своей поэмы,

Но если ты эту минуешь суть,
Во второстепенном затерян,
Скажут ровесники —
не обессудь,

Характер
не
характерен.

Совсем неожиданно в здешнем краю,
Узнав по встречному слову,
Николай подругу сыскал свою,
Наташу нашел Одинцову.

В молодежный актив отвоеванных сел —
Среди кандидаток первая —
Ее направил сюда комсомол
Из областного резерва.

Была она родом из этих мест,
Но в город ушли родители,
Глаза ее
речку, поле и лес
Ни разу
с тех пор
не видели.

Отец и мать, уйдя навсегда,
В родные края не вернулись,
Но девчонку все время тянуло сюда
С городских надоевших улиц.

Не стала Наташа глядеть в облака,
В земную шагнула действительность,
Когда, приехав издалека,
С памятью ранней свиделась.

То, что с селом случилось теперь,
То, что война сокрушила,
Любым аршином
беду отмерь,
Все равно
не хватит аршина.

Но добрые люди простую избу
Для счастья ее разыскали,
Женскую долю, девичью судьбу
Увидала она в Николае.

Ни книги, прочитанные за столом,
 Ни концерты в притихшем зале,
 Поединки воздушные над селом
 Их развлечением стали.

Жизнь создавала быт фронтовой.
 И в годы прямые и гневные
 В каждой землянке на передовой
 Ворошились дела каждодневные.

Быт создавался в ближних тылах,
 В штабах,
 на почте,
 в санчасти,
 Где были улыбка и взгляд второпях
 Скромным
 набором
 счастья.

А у связисток шумит патефон,
 Ставят без лишних вопросов
 Пластинки невозвратимых времен —
 Шульженко, Козин, Утесов.

И ты сантиментам чужим не перечь,
 Сойди с обусловленных точек,
 Чтоб снова с опущенных падал плеч
 Синенький скромный платочек.

Давнишнего неба он станет синей,
 Взмахнув над праздником старым
 Наивной мелодией
 праведных дней
 Навстречу
 обнявшимся парам.
 Круженье вдвоем,
 и все нипочем,
 На Неве воюя,
 на Волге ли,
 Ребята
 всю жизнь
 вспоминали потом
 Минуты
 эти
 недолгие.
 А жизнь тогда —
 полдня иногда,
 Хорошо,
 коли полнедели,
 Не знал никто,
 не гадал никогда
 Целым
 дойти до цели.
 О моем поколенье
 спросите меня:
 В списке
 жестоком и строгом

Погибших поэтов
встают имена:
Майоров,
Суворов,
Коган.

Светлую тризну справляя по ним,
Не дав омертветь печали,
Своим дыханьем и словом своим
Мы их стихи продолжали.

На век человеческий верность отмерь.
И в строящейся поэме
Я распахнул сельсоветскую дверь
Своей постоянной теме.

8

Мы в ближний опять возвратимся тыл,
Где Николаю навстречу
С охапкой радости выходил
Каждый свободный вечер.

К счастью влюбленной нашей четы,
На фронте стояло затишье,
И в этой тиши рождались мечты
Девчоночки и мальчишки.

Вот так, вблизи тропы полевой,
Недель не достигнув полных,
Вертя доверчивой головой
Беспризорный растет подсолнух.

В солнца брызгах и каплях дождя
Желтизной купаясь пригожей,
Цветет,
пока, с тропы не сойдя,
Не сорвет
случайный прохожий.

А то — не век расти прямиком,
Красуясь под небом светлым.
Оземь ударит его швырком,
Ударит внезапным ветром.

Но бедный подсолнух еще и пока
Вселенной встает средоточьем,
И солнце глядит на него свысока
Усмешливо и озабоченно.

Давно перейдя с «вы» на «ты»,
Ребята летними днями,
В стремленья преображая мечты,
Их вместе соединяли.

Сердцами накрепко сведены,
Глядясь в ^{незнакомые} дали,

областьная
БИБЛИОТЕКА
Общ. з.к.
№ 10

О том, что будет после войны,
Не раз они рассуждали.

В стремленье каждому розный край.
Своя у каждого мера,
С питерских дней хотел Николай
Учиться на инженера.

Наташа была в селе рождена
И в мечте
домашнего выдела
В послевоенные времена
Себя
агрономом видела.

Могла порваться общая нить
На будущих раздорожьях,
Ну, как им вместе объединить
Профессии две несходих?

Они гадали о месте таком,
Где жить бы единым ладом,
Чтоб инженер и агроном
Дружно работали рядом.

Север позвал их в край золотой,
Мол, будете жить, как дома,
Бороться с вечною мерзлотой —
Перспектива для агронома.

И тут же, только сил не жалей,
Трудись до седьмого пота,—
В добной дюжине отраслей
Для инженеров работа.

Наверно, коли прикинуть еще,
Поразмыслить более-менее,
Нашли бы куда развернуть плечо,
Направить свои стремления.

Меня справедливо спросите вы,
Прояснить событья желая:
Куда же девались слова любви
У Наташи и Николая?

Заменили признанья в растерянный миг,
Порой непривычно счастливой,
Взглядов
красноречивый язык,
Объятий
язык молчаливый.

Когда же кругом пошла голова
И глаза запылали бессонно,
Пришли удивительные слова
Из древнего лексикона.

В долгие ночи и быстрые дни
 Не звучали слова где бы —
 То же везде
 значат они
 Со времен
 Адама и Евы.

Неразменному в силе равны рублю.
 Не бесценней его нисколько:
 — Наташенька, как я тебя люблю!
 — Как я люблю тебя, Коленька!

В своих неприятьях тверда и резка
 Молодость наша решительная
 Напрочь
 выкидывала из языка
 Ласкательные
 и уменьшительные.

Но, легки и пугливы, как беглая тень,
 Опасаясь насмешек стужи,
 Они проникали в жаркую темь
 И обжигали души.

Природу метлой гони за порог —
 Влезет в окно природа,
 Но мы
 бесхитростный
 жизни урок
 Не принимали
 с хода.

И ночью любимой до дна излив
 Все святые банальности,
 Мы утром
 свой костерили порыв,
 Презирая
 сентиментальности.

А тех, случайных в рядах своих,
 Ребяческое малосилье,
 Не признавая ровнями их,
 Сопляками, озлясь, крестили.

Я помню — на самолетном крыле —
 В ладони кольцо парашюта —
 Парню перед прыжком к земле
 Погрозилась в глаза минута.

Бедняга опять в кабину залез,
 Но на дороге обратной
 Он из компании нашей исчез,
 Лишь раз пойдя на попятный.

Как памятен мне
 парашютный прыжок
 Молодостью упрямой,

Тогда он с налету
душу обжег,
Перед войною самой.

Такими мы были в те времена
И, верша планеты делами,
Наивно, но четко, к звену от звена,
Событий цепь разделяли.

На лыжах скользя, целясь в мишень,
Прыгая с парашютом,
Мы расчисляли мирный день
Уже по военным минутам.

И азбуку воинского ремесла,
Как тревожный вдашали воздух,
Она по-сестрински нам помогла
На войны обугленных верстах.

Опять нас окутал разымчивый дым
Лирического отступленья,
Вернемся снова к своим молодым,
Посмотрим на них с отдаленья.

9

Перед тем, как поставить последний крест,
Начальство хмурило брови
На фронтовых
женихов и невест,
На военные
наши любови.

В другой обстановке бы наплевать
На взгляды, смотрящие косо,
Но, того гляди, покатится вспять
И рухнет с крутого откоса

Влюбленных душ потаенная речь,
Твое недолгое счастье.
Ну, как его сберечь-оберечь
От начальственной этой напасти?

На тебя одного ложилась вина
За дела для войны излишние,
Ко всем чертям послала война
Наши вопросы личные.

Солдатское дело — бить врага,
Это твой долг и право,
И если затопит в бою берега
Гнева и злости орава,

Тебе простится такой перехлест,
Нарушенная граница,

Но мирный взгляд
девичьих звезд
Войной
ни за что
не простится,

Тот взгляд, единственный и родной,
Ласкающий тебя в изголовье.
Любовь
всегда во вражде с войной,
Война
на ножах с любовью.

Но той поножовщине
наперекор
Веселое шло отомщенье.
Решили ребята
с недавних пор
Затвердить свои отношения.

Смешавшись с военной бедой пополам,
Им в руки валило счастье:
Наташа по сельсоветским делам
В райцентре бывала часто.

Когда пробиралась в который раз
В кирпичном крошеве улиц,
С искореженной вывескою «Райзагс»
Глаза ее переглянулись.

«Р» в назанье осыпалось в прах,
И «айзагс» подмигивал весело
Всем, как он, побывавшим в боях,
Прошедшим военное месиво.

Дома, смеясь, рассказала она,
Как назанье войной прочитано.
— А если Айзагсу сдастся война? —
Спросил Николай неожиданно.

Наташа в глаза посмотрела ему:
— Что значит такая фраза?
Но незачем были
и ни к чему
Объяснения
с этого раза.

Если судьба заседает коней,
О скорости не печалься:
Был Николай через несколько дней
К старшему вызван начальству.

Он пробыл едва ли не три часа
В дивизионной разведке,
Разбирая привычные чудеса
Находчивости и сметки.

Наташа всю ночь не смыкала глаз
И, вскочив еще на рассвете,
Боясь пропустить назначенный час,
Ждала его в райсовете.

Но встретил жених спокойный взгляд,
Когда пришел с опозданьем.
И вот уже вместе они стоят
Перед загса разбитым зданьем.

Ничего им не дал первый этаж,
На второй привела их лестница.
Там начинала служебный стаж
Наташи прямая ровесница.

Она взглянула из-под ресниц
На жениха и невесту.
Себя, как водится у девиц,
Примеряя к Наташину mestу.

Военный плакат, суровый портрет,
Пожелтевшая пальма в кадке
Напоминали недавних лет
Торжественные порядки.

— У лейтенанта паспорта нет,—
Рассудила ровесница здраво.—
Ставить печать на другой документ
Вряд ли дано мне право.

Впрочем,— смягчилась девушка вдруг,—
Должно же быть исключение,
— Давайте,
ради друзей и подруг,
Ваше
удостоверенье.

Ребят опасной шуткой смущив,
Мол, все сорвалось сначала,
Она, мурлыча случайный мотив,
По-новому их повенчала.

Напоследок сказала, по-детски важна,
Расширив глаза большие:
— Я вас поздравляю,
муж и жена,
От имени
всей
России.

Николай
отцепил фляжку с ремня,
Продлевая
минуты светлые:
— Поднимем втроем
в честь этого дня
Наркомовские
заветные!

Радостным пламенем обожжены,
 Дети
 грозной вселенной
 Из мирной загсовской тишины
 В мир
 шагнули военный.

Мир, где из тьмы жестоких веков,
 Сквозь дым пропступая чадный,
 Все пять полыхали материков
 Огнем войны беспощадной.

Судьбе шагнули наперевес,
 Влекущей муку-разлуку...
 Николай в грузовик первым залез
 И подал Наташе руку.

10

Мчал грузовик к тылам полка,
 С ним счастье быстрое мчалось,
 Была дорога недалека,
 Но далека оказалась.

Дорога шла через древний бор,
 Вдоль красно-желтых сосен,
 Праздника ради в лучший убор
 Нарядилась русская осень.

На спуске у иссия-черной реки
 Навстречу молодоженам
 Заполыхали березняки
 Угольем разожженным.

Село показалось под редким дождем,
 И соцветье радуги яркой
 Самым счастливым в жизни днем
 Стремительной выгнулось аркой.

Одним концом она в черной реке
 За обрывистой падала кручей,
 Терялся другой конец вдалеке,
 В туче канув летучей.

Руками держась за кабины верх,
 В жизни
 общем начале
 Новобрачные мимо последних вех,
 Самых последних,
 мчали.

Колодец. Воронка. Развилка углом.
 К сельской площади прямо.
 Не зря
 с утра
 над ранним селом
 Упрямо
 кружилась
 «рама».

Словно предвидел черный пилот
 Счастье пары влюбленной,
 Был скорректирован артналет
 С точностью неуклонной.

Пристально глядываясь в живых,
 Гибель ходила рядом —
 Летящий
 по улице
 грузовик
 Тяжелым
 накрыло
 снарядом.

Юность,
 мчавшую через село,
 Разнесло,
 как с прямой наводки,
 «Ничего существенного...»
 Произошло
 Вопреки ежедневной сводке!

Произошел конец естества,
 Конец бытия человечьего,
 Исчезли прекрасные существа,
 Носители пламени вечного.

Война, обновляя разведвзвод,
 К личностям непримирима,
 Вряд ли память о них донесет
 До сдавшегося Берлина.

Но сами они не оставят пост,
 Совсем неприметный с виду,
 И, поднимаясь
 над гибелю в рост,
 Себя
 не дадут в обиду.

Сквозь черноту непроглядного зла,
 По следу
 прямому и горькому,
 Николай возвращается из села
 К покинутому пригорку.

К своим друзьям ведет за собой
 Упирающуюся Наташу,
 Гремит внизу нестихающий бой,
 Пьют люди смертную чашу.

Там, при свете багряных звезд,
 В радости и печали
 Держали юнцы неприметный пост,
 Насмерть его держали.

Пост неприметной своей любви,
 Своего недолгого счастья,
 Не для того ли в недавней нови
 Случилось им повстречаться?

В дружеский круг двое ребят
Встают на полынnyй пригород.
У Николая нацеленный взгляд
По-разведичьи точен и зорок.

Наташе он показал сперва,
Потом товарищам верным
Огни, что виднелись едва-едва
На расстоянье безмерном.

Огромного города вдалеке
Увиделись очертанья,
За лесом, сбегавшим к черной реке,
Возникли странные зданья.

По ним,
 увеличясь в тысячу крат,
Как на экране,
 наплывом,
Засквозили
 упрямые лица подряд
В стремленье
 нетерпеливом.

С губ
 срывался яростный зов,
Глаза
 призывали и звали,
Едва доносились обрывки слов
Из отчаянной дали.

Но вспыхнула огненная полоса
По черте фронтового края,
И вырвались
 мощные голоса,
Столетий
 шум
 покрывая.

Подписала последний счет
Времени
 бесконечность.

— Неужто
 нас будущее
 зовет?
— Да,— ответила
 Вечность.

